

Список использованных источников и литературы

1. Назарко, І. Київські і Галицькі митрополити: біографічні нариси (1590–1960) / о. Іриней Назарко, ЧСВВ. – Рим, 1962. – 272 с.
2. Свирид, А. Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) / А. Н. Свирид. – Брест : БрГУ, 2012. – 218 с.
3. «С терпением мы должны нести крест свой...»: документы и материалы о жизни и деятельности блаженного священномученика экзарха Леонида (Федорова) сб. документов / сост.: П. А. Парфентьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krofov.info/history/20/iz_istori/fedor_3.htm.
4. Парфентьев, П. Служение блаженного Леонида Фёдорова в России [Электронный ресурс] / П. Парфентьев. – Режим доступа: <http://www.cerkva.od.ua/leonid-feodorov>.
5. Поспеловский, Д. Русская Православная церковь в XX веке / Д. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
6. Василий, диакон. Леонид Фёдоров: жизнь и деятельность / диакон Василий ЧСВ. – Рим, 1966. – 824 с.
7. Блаженный Экзарх // Дом Непорочного Сердца. Спец. номер, посвящ. 80-й годовщине мученической кончины о. Леонида Федорова (1879–1935). – 2014. – №6 (27). – 59 с.
8. Колупаев, Р. Российская Католическая церковь византийского обряда (краткий исторический очерк) [Электронный ресурс] / отец Р. Колупаев. – Режим доступа: <http://www.rkcvo.ru/node/390>

УДК 947. 073. 1 + 94(47). 084. 1.2 + 321. 911

Е. В. Корень

Гомель, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Революционные события первой четверти XX в. способствовали усилению в интеллектуальных кругах дискуссий по поводу причин и истоков революционных настроений в России, о роли интеллигенции в культурном, социальном и политическом развитии страны, в нарастании революционной ситуации. В русле ретроспективного

анализа освободительного движения (в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, Г. П. Федотова, Ю. В. Готье и др.) рассматривалась тема декабристов как вехи в эволюции революционности интеллигенции, в развитии противостояния передовой общественности и власти, приведшего к ряду революционных взрывов и гражданской войной.

Первые десятилетия XX в., ознаменовавшиеся тремя революциями и гражданской войной, были для русского общества эпохой напряженного переосмысления исторических судеб страны, острых дискуссий о причинах и истоках революции, о роли интеллигенции в развитии революционных идей. Анализу общественно-политической и культурной деятельности интеллигенции в России были посвящены исследования известных мыслителей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, Г. П. Федотова и др., публиковавшиеся в таких популярных сборниках, как «Вехи» (с марта 1909 г. переиздавался 9 раз!), «В защиту интеллигенции» (М, 1909), «Интеллигенция в России» (СПб., 1910), «Куда мы идем?» (М., 1910), «Из глубины» (М.; Пг., 1918) [1, с. 297]. В адрес интеллигенции высказывалось много обвинений в разжигании революции, но также много было и выступлений в её защиту. Ф.А. Степун в книге «Бывшее и несбывшееся», вышедшей за границей много лет спустя после революций и гражданской войны, вспоминая об этих дискуссиях, констатировал: «Можно по-разному относиться к борьбе русской интеллигенции с монархией: с монархистски-синодальной точки зрения её можно считать безумием; с либерально-гуманитарной и революционно-социалистической – в ней нельзя не видеть основного смысла новой русской истории. Об одном только как будто бы невозможен спор: о грандиозном размахе и даже вдохновенности нашего за сто лет до октябрьского переворота начавшегося освободительного движения» [2, с. 323].

Профессор Ю. В. Готье, непосредственно наблюдавший развитие событий от февраля 1917 г до Октябрьской революции, и считавший долгом историка «записывать свои впечатления и создавать этим... исторический источник», утверждал, что основная причина революции «столетнее растление старого режима. Он вызвал своим падением отклонение маятника влево и господство сил, развившихся в подполье и годных только для разрушения. Разрушение армии, предпринятое во имя подпольных лозунгов, рассчитанных на борьбу с царизмом, дало именно те плоды, которые оно должно было дать... Россия погибает, подточенная Николаем II и добитая собственной революцией» [3, № 6, с. 155].

Анализируя сложившуюся историческую ситуацию, причины социальных катастроф, философы, историки, публицисты обращались к социально-политической истории России, к истокам революционного движения, в том числе и к политическому наследию декабристов, предпринявших первое открытое выступление против самодержавия [4, с. 150, 240, 251, 263]. Декабрь 1825 г. рассматривался как точка отсчета в истории противостояния интеллигенции и самодержавия.

С точки зрения П. Б. Струве, прозвучавшей еще в сборнике «Вехи», «после пугачевщины и до революции 1905 г. все российские политические движения» были «движениями образованной и привилегированной части России», как «офицерская революция декабристов» [5, с. 155]. Вообще Струве оценивал декабризм как попытку «перевести шляхетские замыслы XVIII в. на язык передовой европейской политической мысли» и «дополнить постановку политических задач проблемами социальными (освобождение крестьян)» [6, с. 239–240]. Трагедия разлада интеллигенции и власти, на его взгляд, состояла в том, что политические реформы слишком запоздали. События декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г. положили начало этой трагедии.

Надо отметить, что еще в первое время после восстания декабристов высказывались суждения о его объективных причинах и значении для общества. Так, П. А. Вяземский находил истоки декабризма в господстве реакции, порочности общественного строя России. Он назвал 14 декабря днем «бедственным для России», потому, что за ним последовала «эпоха кровавая» и что все это было «страшным судом для дел и мнений и помышлений настоящих и давно прошедших» [7, с. 329]. По наблюдению поэта, вся Россия «страданиями, потом участвовала делом или помыслами, волею или неволею в заговоре, который был не что иное, как вспышка общего недовольства» [7, с. 78]. Декабристов, по его мнению, судила «мнимая Россия, ниспровержение которой» и было «целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных» и преобразование которой остаётся «целью всех верных и рассудительных сынов России» [7, с. 78–79].

Историк Г. В. Вернадский считал, что «14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге разыгралась едва ли не первая в императорской России попытка бессловного гласного политического движения с осознанными целями и программой. Прежде работала преимущественно тайная интрига, неожиданно для непосвященных совершался глухой ночью дворцовый переворот или вспыхивал яростный и бессознательный народный бунт. Тайные общества времени Александра I попытались создать на новых для России началах широкую политическую партию. Поэтому именно «декабристы» сделались родоначальниками политической культуры новой России» [8, с. 82–83].

Н. А. Бердяев видел величайшую заслугу дворянских революционеров в их самоотречении, в отказе от своих сословных привилегий, в свободном подчинении общенародной и общечеловеческой идее [9 с. 75–76]. «Необыкновенную честь русскому дворянству делает то, – писал Бердяев, – что в своем верхнем аристократическом слое оно создало движение декабристов, первое освободительное движение в России, открывшее революционный век», что «богатые помещики и гвардейские офицеры не могли примириться с тяжелым положением крепостных крестьян и солдат». Декабристы «представляли самый культурный слой русского дворянства» [10, с. 61]. Н. А. Бердяев, отмечал, что «в поколении декабристов было больше цельности и ясности», чем в следующих поколениях интеллигенции, для которых «был закрыт опыт политической деятельности». За ними стоял «ужас жестоко подавленного Николаем I восстания декабристов» [10, с. 61].

С Сенатской площади и суда над декабристами начался раскол внутри русского общества. В сущности, произошел разрыв интеллигенции и власти: «14 декабря 1825 г. – писал Г. П. Федотов, – почти незаметное в политической истории государства Российского, неизгладимая веха в истории русской интеллигенции. Здесь совершается ее отрыв от самодержавия, отныне и навсегда покидает она царские дворцы» [11, с. 422].

Интеллектуальная часть общества была отстранена от власти. Философ русского зарубежья С. А. Левицкий в «Очерках по истории русской философии», писал, что «восстание декабристов знаменовало собой в культурном отношении разрыв между элитой общества и правящим слоем». Общество «стало менее патриотичным», а правящий слой все более бюрократизировался. Дворянская монархия уступило место монархии бюрократической [12, с. 43].

Обедневшая и задвинутая на второй план властью интеллектуальная часть дворянства явилась мощной революционной силой [11, с. 17]. Это в свое время отмечал и А. С. Пушкин в записках «о народном воспитании» [13, т. 11, с. 45–47] и «О дворянстве» [13, т. 12, с. 205–206]. А. И. Герцен в середине XIX в. также высказал наблюдение, что в среднем слое образованного дворянства «таится зародыш и умственный центр грядущей революции», что именно «в нем зародилось и выросло» 14 декабря 1825 г., которое Герцен назвал «полным отпущением грехов (*indulgentia pluralia*)» «всей касты, её расчет за целый век» [14, т. 6, с. 215–216].

Н. А. Бердяев выразил мнение, что русская общественная мысль («русская идея») приобрела социальную окраску именно после поражения декабристов. Русские писатели XIX в. творили «не от радостного

творческого избытка, а от жажды спасения народа, человечества и всего мира, от печалования и страдания о неправде и рабстве человека» [10, с. 62–63]. В статье «Философская истина и интеллигентская правда» он доказывал, что в развитии революционного движения виновата сама верховная власть, «калечившая и роковым образом толкавшая интеллигенцию на борьбу против политического и экономического гнета». Возлагая на интеллигенцию ответственность за ее революционные устремления, Н. А. Бердяев вместе с тем подчеркивал, что «русская интеллигенция была такой, какой ее создала русская история, в ее психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции» [15, с. 25].

Похожего мнения придерживался и С. Н. Булгаков, полагавший, что формирование характера русской интеллигенции определило «непрерывное и беспощадное» давление «полицейского прессы, способное расплющить, совершенно уничтожить более слабую духом группу», то, что интеллигенция не пала «под этим прессом, свидетельствует... о совершенно исключительном ее мужестве и жизнеспособности». Изолированность от жизни, в которую ставила интеллигенцию вся атмосфера старого режима, усиливала черты её «подпольной» психологии, подогревала ненависть к самодержавию. Интеллигенция развивалась «в атмосфере непрерывного мученичества, начавшегося с расправы над декабристами» [16, с. 29–30].

После подавления декабристского движения преследование властями всех подозреваемых в политическом свободомыслии, а также непоследовательная социальная политика самодержавия (от режима Николая I до первой четверти XX в.) немало способствовали радикализации освободительного движения. А. И. Герцен и Н. П. Огарев, возглавившие идейную борьбу с самодержавием из эмиграции, ещё отдавали предпочтение «разумной реформе». А. И. Герцен был убежден, что «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» [14, т. 20. с. 585, 590]. Но Лозунг «цель оправдывает средства» постепенно перестал быть отталкивающим, а понятия нравственности и патриотизма следующими поколениями профессиональных революционеров всецело подчинялись идее революции. Еще во второй половине XIX в. декабрист М. А. Фонвизин, тщательно изучавший развитие революционных идей в России, писал о социалистах, что «способы, которыми они думают исправить общество и восстановить его в состояние нормальное, часто ошибочны... самые попытки осуществить подобные меры угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончатся властной диктатурой одного лица, как необходимым последствием

анархии» [17, Т. 2, с. 281–282]. Это мнение оказалось пророческим. Череда революционных взрывов от 1905 до октября 1917 г. и последующая гражданская война не только привели к разрушению Российской империи, но сопровождались гибелью и страданиями миллионов людей, нанесли огромный ущерб культуре, хотя и способствовали такой ценой решению ряда социальных и политических проблем.

Ю. В. Готье, записывая свои наблюдения за событиями 1917 г. и следующих лет, недоумевал: «Все время неотвязная мысль: почему сметен событиями цвет русской деловой интеллигенции, например, земские деятели, дельцы земского и городского союзов, из которых, конечно, вышли бы наилучшие деятели на первое время русской свободы?». Причины происходящего историк связывал с психологическим состоянием общества, якобы вследствие разрушительной деятельности «фанатиков и провокаторов», которые «полвека поднимали народ против преступного и глупого правительства» [3, с. 158]. Причины революций и последующего террора Готье связывал, как с неудовлетворительной внутренней и внешней политикой самодержавия, так и с деятельностью «революционеров от 1860 до 1917 г.» [3, с. 160].

Таким образом, в переломный революционный период истории России многие деятели культуры в поисках причин национальной и социальной трагедии, исследовали ход политических событий в стране за столетие. Философы, историки, общественные деятели, стараясь выявить истоки революции, большое внимание уделяли анализу характера революционности интеллигенции. Было высказано много замечательных и верных наблюдений о судьбах русского общества и власти, о роли интеллигенции в культурном, социальном и политическом развитии страны, в формировании освободительной идеологии и нарастании революционной ситуации. В русле ретроспективного анализа освободительного движения в России Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, Г. П. Федотов, Ю. В. Готье и др. рассматривали тему декабристского восстания как первого открытого выступления против самодержавия. Разные мыслители характеризовали декабристов как родоначальников новой политической культуры России, а также осмысливали проблемы противостояния передовой общественности и самодержавной власти, приведшего к ряду революционных взрывов и гражданской войне.

Список использованных источников и литературы

1. Балугев, П. Б. Споры в конце XIX в. о роли интеллигенции в исторических судьбах России / П. Б. Струве // В раздумьях о России

(XIX век) / отв. ред. Е. Л. Рудницкая. – М.: Археогр. центр., 1996. – С. 297–324.

2. Степун, Ф. А. Бывшее и несбывшееся / Ф. А. Степун; послесл. Ю. И. Архипова. – М.; СПб.: Прогресс-Литера, Алетейя, 1995. – 656 с.

3. Готье, Ю. В. Мои заметки / Ю. В. Готье // Вопросы истории. – 1991. – № 6. – С. 150–175; №9/10. – С. 160–185.

4. Гессен, С. Я. Декабристы перед судом истории (1825–1925) / С. Я. Гессен. – М.; Л.: Петроград, 1925. – 296 с.

5. Струве, П. Б. Интеллигенция и революция / П. Б. Струве // Вехи. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 148–165.

6. Струве, П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / П. Б. Струве // Из глубины. – М.: Изд. МГУ, 1990. – С. 235–250.

7. Вяземский, П. А. Записные книжки / П. А. Вяземский. – М.: Русская книга, 1992. – 381 с.

8. Вернадский Г. В. Два лика декабристов / Г. В. Вернадский // Свободная мысль. – 1993. – № 15. – С. 81–92.

9. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – М.: Канон, 1998. – 400 с.

10. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 43–271.

11. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 403–443.

12. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии / С. А. Левицкий. – М.: Канон, 1996. – 496 с.

13. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. – М.: Воскресенье, 1996. – Т. 11. – 600 с.; Т. 12. – 588 с.

14. Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М.: АН СССР. – 1955. – Т. 6. – 551с.; 1960. – Т. 20. – Кн. 2: 503—994 с.

15. Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда / Н. А. Бердяев // Вехи. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 6–25.

16. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991. – С. 26–68.

17. Фонвизин, М. А. Сочинения и письма: в 2 т. – Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд., 1979. – Т. 1 – 480 с.; 1982. – Т. 2. – 431 с.